

А. Л. Стризове, Е. А. Матвиенко

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: МНОГООБРАЗИЕ ДИСКУРСОВ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается проблема допустимости смертной казни в различных дискурсах: метафизическом, философско-правовом, конкретно-научном, политико-идеологическом. Делается вывод о том, что в условиях наличной правовой реальности и с учетом особенностей отечественной правовой культуры решение о фактической отмене смертной казни является преждевременным.

Ключевые слова: смертная казнь, дискурс, общество, философия, метафизика, мораль, право, правовая культура, политика, идеология.

A. L. Strizoe, E. A. Matvienko

CAPITAL PUNISHMENT: VARIETY OF DISCOURSES IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LEGAL CULTURE

The article draws attention to the problem of admissibility of capital punishment in various discourses: metaphysical, philosophic-legal, specifically scientific, and politico-ideological. The authors come to a conclusion that under the conditions of the present legal reality and taking account of the peculiarities of Russian legal culture, the decision about the abolition of capital punishment seems to be premature.

Keywords: capital punishment, discourse, society, philosophy, metaphysics, morals, law, legal culture, politics, ideology.

Проблема отношения к смертной казни за последние десятилетия не раз становилась предметом обсуждения в науке и публицистике [1]. Аргументы «за» и «против» многократно уточнялись и оценивались. Однако дискуссия пока не привела не только к осязаемым научным и практическим результатам, но даже к ясности концептуальных позиций: далеко не всегда стороны достаточно открыто и последовательно заявляют о них, выдерживают логику их развития. А именно от осознания этого обстоятельства, по нашему мнению, в немалой мере зависит формирование научного и гражданского консенсуса в отношении смертной казни как одной из немногих социально значимых проблем, способных объединить или расколоть общество.

Глубина и фундаментальность затрагиваемого вопроса предопределяют разнообразие ракурсов его рассмотрения. Философская рефлексия тяготеет к поиску метафизических (бытийных) оснований спора о допустимости или недопустимости смертной казни, сближая его с вопросом о возможности сознательного лишения человека жизни. Разворачиваемый в рамках философской

антропологии дискурс о жизни и смерти человека пытается выработать разумное отношение к вечным ценностям и смыслам и потому неизбежно абстрагируется от коллизий и превратностей социокультурного контекста конкретных обществ. К нему примыкает дискурс классической этики, интерпретирующий смертную казнь и ее отсутствие в смысловых полях зла и добра. Открытость и непредопределенность бытия человека побуждает нас воздерживаться от абсолютных решений и категоричных суждений о человеческой природе [2].

Несколько иная позиция обнаруживается в дискурсах общественной морали и философии права, где смертная казнь соотносится с концепциями преступления и наказания и предстает как конкретная форма принудительной санкции, налагаемой цивилизованным обществом. Объектом разумного обоснования здесь выступают не ценностно окрашенные проявления бытия, а рациональные модели публично признанных норм и судебных решений. На смену рациональности отвлеченного философского (равно как и религиозного) рассмотрения человека и общества как части мироздания приходит прескриптивно

ориентированная рациональность публично одобряемых и осуждаемых поступков. Безусловно, отношения отдельных личностей, общества, государства, помимо формальной рациональности, наполнены определенным культурно-историческим содержанием, коммуникативным опытом, отражающим неформальную культурную конвенцию относительно допустимого и недопустимого, возможного и должного. Максимумы и выводы, получаемые в рамках данного дискурса, будут в чем-то более жестко-императивными по форме, поскольку они суть нормы и формализованные решения, но в то же время конкретно-релятивными, обусловленными по содержанию ситуацией, контекстом эпохи.

Третья из возможных позиций возникает в русле конкретно-научного, сциентистского подхода. Сразу же отметим, что с точки зрения юриспруденции право на жизнь в любом случае не является абсолютным. Международные акты о правах человека и российское законодательство содержат нормы, допускающие при определенных условиях возможность правомерного лишения человека жизни. К ним относятся ситуации необходимой обороны, крайней необходимости, законного ареста или предотвращения побега, подавления бунта или мятежа, вооруженные конфликты международного и немеждународного характера [3, с. 23—40].

Однако вернемся к проблеме смертной казни. Когда дело касается жизни и смерти людей, выбор, который вынуждено делать любое общество, определяется, помимо мировоззренческих установок, жизненными обстоятельствами и социальным порядком, свободной волей, сформировавшейся коммуникативной средой. Судебное решение здесь возникает как рефлексия правосознания всех участников судопроизводства, как акт, отражающий баланс различных, порой весьма далеких от права интересов. При этом истина юридической науки, истина закона и зафиксированная в решении истина судопроизводства, стремясь к совпадению в идеале, в реальности совпадают далеко не всегда. Но в то же время судебное решение должно быть обосновано и признано как истина, а в ряде случаев и как образец для принятия решений в сходных ситуациях.

Установка философской метафизики, не допускающая абсолютных утверждений, здесь неприменима: решение власти всегда содержит в себе претензию на всеобщность и безусловность. В лучшем случае она превращается в требование максимально возможной обоснованности и доказанности, а также в стремление ограничить императивность решения и истинность содержащихся в нем утверждений точным указанием пределов их действия в пространстве и времени. Абсолютная в этих пределах истина становится интервальной, т. е. относительной, если смотреть на нее вне рамок интервала. Сохраняя, по сути, требование философской метафизики воздерживаться от ничем не ограниченных суждений, мы по форме (а именно она значима в юриспруденции) получаем нечто совершенно противоположное: решение, обладающее всеобщей, принудительной — и в этом смысле безусловной и абсолютной — силой.

При этом с большой долей вероятности можно утверждать, что независимо от содержания законодательства в столкновении с реальностью ужаса и бесчеловечности, содеянного конкретным убийцей, причиненными им страданиями метафизические аргументы относительно сущности человека, равно как и абстракции социальных целей и общекультурной миссии наказания теряют свою привлекательность. Мы, например, категорически не согласны со следующим суждением: «Очень деликатным вопросом является отношение к проблеме потерпевших и их родственников, близких. Но если смертная казнь не оказывает заметного влияния на уровень преступности, значит, это недостаточный аргумент» [4, с. 38]. С большим основанием можно утверждать, что именно чувства потерпевших, претерпевших по вине обвиняемого страдания (нередко чудовищные), — это единственное, что вообще имеет значение при выборе меры наказания.

Иначе говоря, приоритет в конкретной ситуации должен отдаваться, используя предложенное Кантом разграничение, не «чистому», но «практическому» разуму. А его рекомендации однозначны. Так, убийство при отягчающих обстоятельствах должно наказываться смертной казнью. Сам Кант, которого трудно заподозрить в пренебрежении либеральными ценностями и антигуманизме, обосновывал этот тезис предельно четко.

Наконец, последняя из возможных позиций в отношении оправдания или осуждения смертной казни — политико-идеологическая. Ее дискурс — не истина, а убедительность, оправданность. Она требует категоричности и претендует на абсолютность суждений и оценок. Без нее пока невозможны ни легитимация существующей судебной практики, ни поддержание или изменение социокультурного консенсуса относительно допустимого и недопустимого, приемлемого и неприемлемого в социальных нормах. Без опоры на ее молчаливое одобрение право лишается своей силы и действенности, а споры о его содержании неизбежно принимают отвлеченный академический или сугубо схоластический характер.

Что же касается темы смертной казни, то применительно к российским условиям значительная часть политико-правовой и научной элиты общества демонстрирует свое явное безразличие к ориентациям массовой правовой культуры, расходящимся с европейской политико-идеологической конъюнктурой.

Такое безразличие (порой граничащее едва ли не с презрением к «немытой России» в «гармоничном» сочетании с «махровым» европоцентризмом) демонстрируется с вопиющей откровенностью. Теоретики указывают, что готовность отказаться от смертной казни «является индикатором того, насколько общество прониклось идеями гуманизма, справедливости и цивилизации» [5, с. 37]. Провозглашается, что «Россия опять шагает не

в ногу с передовым миром», «сохранение высшей меры наказания представляет собой варварский анахронизм, который, к сожалению, еще прочно внедрен в массовое сознание» [6]. Делается циничный вывод о необходимости «жесточкого политического режима... твердой и сильной государственной власти, которая проводит непопулярные реформы вопреки сопротивлению консервативных сил, вопреки косности подавляющего большинства (курсив наш. — А. С., Е. М.) населения» [7, с. 41]. В полном соответствии с данными рекомендациями в России и произошла фактическая отмена высшей меры наказания. Кстати, законность самой юридической

процедуры этой отмены энергично оспаривается [8, с. 30, 31].

Выделенные нами четыре концептуальные позиции в дискуссии о смертной казни строятся на разных интенциях правосознания и имеют в известном смысле разные познавательные задачи,

а потому формируют разные дискурсы анализа проблемы. Это является одной из причин расхождений между ними в выводах и оценках, а также объясняет ограниченность каждой из позиций. Отсюда следует, как нам представляется, требование отказаться от монопольных претензий на истину какой бы то ни было позиции, а сосредоточиться на их взаимном влиянии и взаимообогащении в деле выработки оптимального для конкретных условий и в то же время мудрого, глубоко обоснованного отношения к проблеме смертной казни.

Задача философской рефлексии, — будь то философско-антропологический или метафизически-онтологический ракурс рассмотрения, — не обоснование конкретных уголовно-правовых решений, а выработка методологии их принятия, способов постановки и логического развития вопросов, возникающих в проблемном поле размышлений о смертной казни. Применение философской методологии создает ситуацию, подобную той, которая возникает в прикладной этике, имеющей дело с «открытыми» проблемами в том смысле, что по форме эти проблемы представляют собой дилеммы, каждая сторона которых может получить достоверное моральное обоснование. В этом смысле философия и теория права, равно как и практика его применения, могут использовать как аргументы «за» использование смертной казни, так и аргументы «против».

Так, например, апелляция к идее общественного блага может иметь разные логики развития. Можно, подобно В. С. Соловьеву, рассуждать

в духе классической рациональности, понимая под ним сумму благ всех без исключения, в том числе и преступивших закон членов общества. Вывод отсюда будет в пользу запрета смертной казни и даже, как у русского философа, пожизненного заключения [9, с. 534]. Можно вслед за Ж.-Ж. Руссо развести общее благо и благо всех, отдав предпочтение первому в его системном понимании как не совпадающему с благом каждого

конкретного человека. Тем самым следование общему благу может требовать как лишения жизни отдельных индивидов, так и противоречить индивидуальному требованию применить смертную казнь. Возникающая при этом проблема поиска объективного интерпретатора общего блага может быть решена как на путях обеспечения объективности принимаемого решения коллегией судей, так и апелляцией к правосознанию рядовых граждан через суд присяжных, подкрепленных силой общественного мнения. Можно, наконец, принять позицию, согласно которой преступник, совершивший умышленное убийство, осознанно поставил себя вне рамок общества, разрушая социальные связи и открыто бросая вызов общественному благу. Установив эти факты путем законной процедуры, власть и общество могут применить в этом случае смертную казнь как меру самосохранения.

Но существует ли какой-либо объективный критерий выбора вариантов интерпретации фундаментальных правовых идей и понятий? Попытаемся найти его, следуя заявленной нами онтологической установке на открытость и непредопределенность индивидуального и социального бытия, из которой следует неприятие абсолютных утверждений и оценок, данных вне границ пространства и времени, вне рамок социокультурного контекста. Применительно к той или иной норме права такой контекст определяется состоянием правовой культуры общества, доминирующими в ней массовыми установками и ориентациями. Исходя из позиции приоритета законности и правопорядка, отнесемся

к ним как к данности, в условиях которой нам приходится действовать.

Во-первых, характеризуя правовую культуру современного российского общества как совокупность доминирующих традиций поведения в сфере права, нельзя не указать на криминализацию общества в качестве одной из основных причин ее деформации. Отказ от применения смертной казни в этой ситуации означает терпимо-попустительское отношение к крайним, в том числе организованным проявлениям преступного насилия. Аргументы в пользу отказа от смертной казни в таких условиях звучат «как предложения не замечать серийных убийц и насильников» [10, с. 56].

Отметим, что в истории нашей страны не раз имели место периоды, когда ситуация в обществе предельно обострялась и мутный вал преступности (в том числе террористической) создавал угрозу прямого уничтожения государства. В такие моменты широкое применение смертной казни (при всех очевидных минусах) оказывалось едва ли не единственным средством удержать ситуацию под контролем. Например, в качестве инструмента борьбы с терроризмом в августе 1906 г. были учреждены военно-полевые суды, получившие широкие полномочия, в том числе и приговаривать к смерти за «связанное с применением оружия насилие, когда сам факт деяния очевиден и достоверен». Обосновывая их создание, П. А. Столыпин указывал: «Бывают, господа, роковые минуты

в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит избирать между целостностью теорий и целостностью Отечества». Разумеется, подобные чрезвычайные меры могут носить лишь временный характер (так, военно-полевые суды в России просуществовали 9 месяцев и, выполнив свою задачу, были упразднены) [11, с. 10, 11].

Во-вторых, исследователи русского менталитета признают тот факт, что отсутствие предела, нечувствительность к мере и границе, именуемая в быту «широтой натуры» русского человека, есть одна из его основных характеристик. Это обстоятельство требует от сознательного нормотворчества четко и недвусмысленно обозначать предел дозволенного. Смертная казнь — тот предел, которым общество обозначает свое неприятие крайних проявлений насилия на определенном этапе своего развития [12]. Понятно, что в иной, например западноевропейской, социокультурной традиции с доминированием установок, комплиментарных логике правового мышления, этот предел может быть иным.

В-третьих, в разных обществах и культурах существует различная мера базисного консенсуса относительно фундаментальных ценностей и норм, приемлемого и неприемлемого. Никакие плюрализм и толерантность не являются в этом смысле безусловными и безграничными, как только мы покидаем почву спекулятивного теоретического мышления. Сегодня Западная Европа платит насилием и массовыми беспорядками за свою неспособность расстаться с

просветительскими иллюзиями о безграничности культурного плюрализма и естественном (линейно-прогрессистском) пути интеграции неевропейцев в европейскую культуру. «Смерть мультикультурализма» поставила в повестку дня длинный перечень теоретических и практических вопросов, поиск ответов на которые пока трудно признать успешным [13].

Миф о безусловном торжестве рационального европейского правосознания с его культом прав человека, исключаящим смертную казнь, рушится при столкновении с современной социальной реальностью. Достаточно вспомнить совсем недавний пример печально знаменитого «норвежского стрелка» Андерса Брейвика, убившего в июле 2011 г. 77 человек и ранившего 151. За свои преступления он получил максимальное по норвежским законам наказание — 21 год тюрьмы. Несложный арифметический подсчет показывает, что в качестве наказания за каждую отнятую им жизнь (о раненых мы и вовсе не говорим) Брейвик проведет в тюрьме менее трех с половиной месяцев! Абсурдность ситуации усугубляется тем, что Брейвику будет предоставлена комфортная трехкомнатная камера, включающая в себя кабинет с ноутбуком и телевизором, тренажерный зал и спальню. Его содержание обойдется налогоплательщикам в 850 тыс. долл. в год. На фоне таких сообщений вовсе не удивительно, что в сверхтолерантной законопослушной Норвегии сестры Брейвика вынуждены скрываться, чтобы избежать расправы со стороны разъяренных родственников жертв «норвежского стрелка». Отец Брейвика отрекся от него, заявив, что его сын должен покончить жизнь самоубийством.

Поэтому мы не видим ничего неожиданного в том, что большинство российских граждан позитивно относятся к сохранению смертной казни за особо опасные преступления [14]. Не лишне здесь еще раз напомнить нашей «прогрессивной» юридической общественности, что всякая правовая новелла (инновация, реформа), расходящаяся, по словам П. Сорокина, с «базовыми инстинктами» народа, рано или поздно обречена на провал.

Если говорить об обратном влиянии на философию иных познавательных позиций, то прежде всего укажем на роль философско-

правового дискурса и дискурса общественной морали. Они задают определенный, в первую очередь функциональный ракурс рассмотрения проблемы смертной казни: оправдывает ли она себя как мера наказания? Это позволяет нам избежать ловушек морализаторства и социального прожектерства. Отношение к смертной казни здесь рассматривается как отношение общества к преступнику, разрушающему общепризнанный мир (и порядок) социальных связей, а также к содеянному им как прецеденту отношения к другим людям и обществу в целом. Причем к такому прецеденту, который опасен не только как крайняя форма проявления насилия, но и как форма, могущая при определенных условиях стать массовой, способная к распространению через психологические механизмы подражания и заражения. Таким образом, идея и связанные с ней поступки соотносятся уже не только с логикой разума, но и с логикой социальных практик.

Именно с этих позиций вторгаются в философский дискурс юристы-практики. Если с позиций логики разума, например, возможность судебной ошибки при вынесении смертного приговора кажется непреодолимой опасностью, то с позиций практической логики принятия решений риск ошибки можно если не устранить, то минимизировать [15]. То обстоятельство, что в контексте других рисков, существующих в российской уголовной юстиции, риск смертной казни невиновного вряд ли может быть назван наибольшим злом, разумеется, не отменяет необходимости обсуждения данной проблемы, но меняет направленность дискуссии. Выясняется, что риски такого рода не влияют существенно на состояние преступности, а потому, с точки зрения практиков, кажутся умозрительными. Но коль скоро рационально сконструированная философской модель не подтверждается социальной практикой [16], то отсюда следует, что в реальности люди руководствуются иными — не только рациональными — мотивами поведения. Вопреки желанию философа все, что связано с обсуждением проблем смертной казни, не только окрашено эмоциями, но и испытывает давление разнообразной индивидуальной и коллективной памяти, силы традиции и культурных стереотипов. Не следует, к примеру, третировать всем известный принцип ранних правовых систем «око

за око, зуб за зуб» как сугубо архаичный и безнадежно «отставший» от «современных» представлений. Нельзя исключать, что этот и подобные ему принципы, будучи иррациональными по своей природе, фиксируют тем не менее накопленный цивилизованным человечеством опыт самосохранения, оберегают людей от опрометчивых решений в вопросах жизни и смерти. Во всяком случае, для философского дискурса важно то, что логика разума при всей своей значимости не является единственной системой координат при принятии решений о жизни и смерти. Более того, вполне возможно, что эта логика отнюдь не имеет (не должна иметь?) здесь главенствующего характера.

Иррациональная мотивация, опыт переживания и проживания жизни, ее психология и феноменология заставляют нас критически отнестись ко многим философским и этическим постулатам. Именно накопленный чувственный опыт, а вовсе не слепая нахлынувшая страсть или жажда мести убеждают нас порой, что из признания ценности жизни рода человеческого далеко не всегда вытекает признание ценности жизни конкретного человека. Признавая за преступником право на покаяние и исправление, мы понимаем, что далеко не всякую вину можно загладить, страдание компенсировать, ущерб возместить. Да и не всякая личность на это способна. Философская максима избегать окончательных суждений о человеческой сущности растворяется в конкретности формы совершенного преступником и пережитого нами преступного деяния. Логика юридического дискурса, в отличие от морального, обращает наше внимание прежде всего на совершенные людьми поступки, реально наступившие последствия, а потом уже на их умысел и мотивы. Право выносит свое решение, оценивая не сущность человека, а форму (способ) ее проявления. Смертный приговор — лишь оценка абсолютной неприемлемости избранной индивидом формы самореализации и отказ общества терпеть дальнейшие «опыты» выбора того, кто самоутверждается ценой разрушения жизни других. Сила терпения — этот своеобразный запас социальной прочности — своя в каждой социокультурной среде, она далеко не всегда выдерживает любые жизненные стратегии

самореализации. И даже в современном обществе эта сила не может быть изменена волей разумного социального конструирования.

Примечания

1. Смертная казнь: за и против: сб. / сост. О. Ф. Шишов, Т. С. Парфенова; под ред. С. Г. Келиной. М.: Юрид. лит., 1989; Болдырев Ю. Ю. Смертная казнь: кто против? [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/poziciya/smertnaja_kazn_kto_protiv_2009-11-02.htm (дата обращения: 23.05.2013); Корецкий Д. Проблемы легитимности фактической отмены смертной казни // Уголовное право. 2010. № 6. С. 27—30; Малько А. В., Терехин В. А. Юридические парадоксы применения смертной казни в современной России // Гос-во и право. 2011. № 3. С. 24—29; Соколов Н. Я. Юристы о смертной казни // Гос-во и право. 2012. № 8. С. 5—12; Пилецкий С. Г. Смертная казнь: варварство или справедливость? // СОЦИС: Социологические исследования. 2010. № 6. С. 118—126.
2. Омельченко Н. В. Метафизический аргумент против смертной казни // Материалы XII науч. конф. профессорско-преподавательского состава Волгогр. гос. ун-та (12—21 апреля 1995 г.). Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1995. С. 13—17.
3. Кальченко Н. В. Право человека на жизнь (вопросы теории и практики). Волгоград: ВА МВД России, 2003.
4. Наумов А. В. Логическим завершением дискуссии по проблеме отмены смертной казни в России должна стать отмена высшей меры наказания // Вестн. прав человека: междунар. журн. 2001. № 3.
5. Карташкин В. А. Право на жизнь — основное право каждого человека // Вестн. прав человека: междунар. журн. 2001. № 3.
6. Рассел против Росселя или руки прочь от Каина // Рос. вестн. «Международной амнистии». 2001. № 20. С. 12. Парадоксальным образом в том же материале на соседней странице указывается существование смертной казни «в таких передовых демократиях, какими являются Соединенные Штаты и Япония».
7. Писаревский А. Г. К вопросу об отмене смертной казни в России // Вестн. прав человека: междунар. журн. 2001. № 3.
8. Корецкий Д. А. Законна ли отмена смертной казни? // Защита и безопасность. 2013. № 2.
9. Соловьев В. С. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации: Алгоритм, 2012.
10. Таранцов М. А. Смертная казнь: за и против // Вестн. прав человека: междунар. журн. 2001. № 3.
11. Дементьева Ю. Расстрел как государственная необходимость // Защита и безопасность. 2012. № 4.
12. По данным Фонда общественного мнения (ФОМ) за март 2012 г., по мнению большинства опрошенных, смертной казнью необходимо карать сексуальные преступления (72 %), убийства (64 %), терроризм (54 %). См.: URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10378> (дата обращения: 23.05.2013). Сходные данные дает Всероссийский центр изучения общественного мнения за 2009 г.: смертная казнь приемлема, в первую очередь, в отношении лиц, участвовавших в изнасиловании несовершеннолетних (79 %), для наказания террористов (65 %), наркоторговцев (61 %) и совершивших преднамеренное убийство (60 %). См.: URL: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=12868> (дата обращения: 23.05.2013).
13. Федюнин С. Ю. Мир после мультикультурализма: научные прорывы и политические тупики // Вестн. ин-та Кеннана в России. 2013. Вып. 23. С. 66—76; Саррацин Т. Германия: самоликвидация / пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012; Якунин В. И. Диалог цивилизаций для построения мирных и инклюзивных обществ // Полис. 2012. № 5. С. 8—16; Малахов В. С. После мультикультурализма: Европа и ее иммигранты // Вестн. ин-та Кеннана в России. 2012. Вып. 21. С. 45—55.
14. Как показывает опрос ФОМ, 62 % россиян выступают за возвращение к применению смертной казни; за соблюдение моратория на смертную казнь высказался 21 %; за полную отмену смертной казни высказались 5 %. Для сравнения: в 2009 г. по опросам «Левада-центра» эти позиции разделяли соответственно: 41 %; 24 %; 12 %. См.: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=12868>. Вынесение смертных приговоров считает допустимым

66 % опрошенных, недопустимым — 15%, затруднились с ответом — 19%. См: URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10378> (дата обращения: 23.05.2013).

15. Болдырев Ю. Ю. Смертная казнь: кто против? [Электронный ресурс]. URL: http://www.stoletie.ru/poziciya/smertnaja_kazn_kto_protiv_2009-11-02.htm (дата обращения: 23.05.2013).

16. Это, впрочем, не исключает возможности ее подтверждения отдельными фактами, единичным опытом.

© Стризое А. Л., Матвиенко Е. А., 2013